

Прошло довольно много времени, прежде чем Сюэ Цзю успокоилась. Она сказала: " Спасибо, что сказали мне правду. Дело не в том, что я недостаточно хороша, а в том, что вам не нужна такая жена, как я. Не волнуйтесь, я не буду вас впутывать. Я также не останусь в этом обидном Чанъане."

Пэй Юн ничего не сказала, молчаливо соглашаясь с ней. Через некоторое время он сказал: "У меня есть младший брат-ученик, который торгует в Южном море. Мы друзья, не на жизнь, а на смерть. Если вы готовы отправиться туда, я попрошу, чтобы он хорошо позаботился о вас."

Сюэ Цзю молчала. В то время, как Пэй Юн верил, что она откажется от его предложения, Цзю мирно сказала: "спасибо. Я слышала, что ландшафт Южного Моря своеобразен и жители там имеют частые отношения с неханьцами. Давно хотела посмотреть."

Серьезный вопрос, касающийся Пэй Юна, был сведен к нулю. Несмотря на то, что многие имперские цензоры и придворные чиновники подавали мемориалы об импичменте, как только мемориал Леди Сюэ был представлен, эти импичменты больше не имели никакой власти. Кроме того, Леди Сюэ исчезла из Чанъаня. Хотя семья Сюэ заявила, что Леди Сюэ стала монахиней, они не знали, в какой монастырь она пошла. Вот так жалкая и прискорбная женщина исчезла из поля зрения. Никто не знал, что Леди Сюэ сопровождали слуги герцога Вэй из Чанъаня.

Однако этот вопрос не был решен полностью в соответствии с моими пожеланиями. Пэй Юн все еще был замешан. Хотя он не был разжалован и оштрафован, император отрядил Юаньфэна на должность заместителя командующего Северными казармами Имперской Гвардии. При этом клин все еще был вставлен в первоначально железные северные казармы. Юаньфэн был элегантен и готов на все. Ему помогали его деньги и власть, и как привилегированный подданный императора, он быстро смог встать на ноги. К счастью, Пэй Юн был верен своим гвардейцам и не был бессилён. В целом, Сяхоу Юаньфэн не решился срочно продвигаться вперед. Ситуация зашла в тупик.

Сидя в павильоне, наслаждаясь обильным вечерним бризом, слабый запах растений одолевал мои ноздри. У меня во рту был только что сорванный бамбуковый лист, когда я сосредоточился на игре простой мелодии. Не было никакой техники, но мягкая и приятная музыка текла по всему холодному двору вслед за вечерним бризом. Когда мелодия закончилась, фигура Сяшунци появилась вдалеке. Я не знал, почему, но каждый раз, когда я становился мрачным и невероятно тревожным, я отбрасывал все и сидел здесь, играя на бамбуковом листе. Это всегда позволяло моему настроению снова стать спокойным. Я никогда не забывал диагноз сэра Санга. Поскольку я не мог дистанцироваться от шума и суеты, то я мог использовать этот метод только для очищения своего духа. На самом деле, все имперские телохранители, назначенные мне, понимали, что они совершенно не могут беспокоить меня, когда я играю на бамбуковом листе. Даже Сяшунци не хотел меня беспокоить. Однажды имперский телохранитель, на которого мной были возложены важные обязанности, нарушил этот обычай и был изгнан из Холодного двора. С тех пор никто не осмелился меня беспокоить.

Принимая ароматную чашку чая, которую вручил мне Сяшунци, я улыбнулся и сказал: "генерал Пэй потерпел некоторые неудачи, но в конечном счете это не повлияет на его будущие перспективы. На самом деле план не можем считаться неосуществившимся. В любом случае, мы считаем важным человека, Пэй Юна, а не Императорскую гвардию. Завтра,

выдайте приглашение генералу Пэй, чтобы он приехал сюда, в холодный двор. Также за компанию пригласите его императорское величество.”

“Его Императорское Высочество уже пригласил генерала Пэй на завтра, - равнодушно ответил Сяошунци, - так как молодой мастер тоже хочет встретиться с ним, я пойду проинформирую его императорское высочество, чтобы он провел праздник в холодном дворе.”

Качая головой, я ответил: " так как Его Императорское Высочество хочет пригласить его, то мне нет нужды присоединяться. Есть некоторые вещи, которые лучше всего решать лично Его Императорскому Высочеству. О, кстати, там было что-нибудь из храма Шаолинь?"

"Великие и престижные секты действительно могут оставаться спокойными", - ответил Сяошунци, нахмурив брови. "Им еще предстоит сделать какие-то шаги."

Со слабой улыбкой, я сказал: " Если бы не их способность терпеливо переносить, почему вы думаете, что храм Шаолинь выжил бы так долго без сбоев? За сто лет, сколько сект пришло и ушло? Шаолинь выжил так долго из-за этого поведения. Иногда дела в мире выглядят именно так. Смотреть вниз и делать реальные дела гораздо лучше, чем смотреть вверх, чтобы просить. Если бы не препятствия повседневных дел, зачем проводить время в материальном мире? Сяошунци, твои боевые искусства изначально великолепны. Но ваши шаги слишком безжалостны и злонамеренны, не хватает немного терпения. Я всегда чувствовал, что это неуместно. Говорят, что организация не может продержаться, мягкое не может защищаться, изобретательное не может победить надлежащее. В войне, нельзя постоянно использовать инновационные тактики и стратегии для достижения победы. Я считаю, что то же самое и в боевых искусствах. Подумай над этим."

Сяошунци начал размышлять над моими словами. Только в этот момент ко мне обратился нежный голос. "Благодетель Цзян действительно духовно умен, как будто создан небесами. Этот старый подряник не понимал этого, пока мне не исполнилось сорок."

Я был поражен. Этот голос был нежным, чистым и глубоким, как будто говорящий был рядом с моим ухом. Тем не менее, из-за моих обостренных шести чувств, я мог сказать, что в пределах ста Чжан больше никого не было. Я взглянул в сторону Сяошунци, но увидел, что он глубоко задумался. Было ясно, что он забыл о своей защите. Подумав, я вдруг рассмеялся и заявил: "старейшина, истинное сострадание лично пришло в холодный двор. Ваше присутствие действительно приносит свет в мое скромное жилище. Пожалуйста, простите Чжэ за то, что не смог вас поприветствовать. Не мог бы великий мастер войти во двор?"

На моих глазах, почти как цветок, у входа во двор появился монах средних лет в серой рясе. Неторопливо он подошел ко мне. Напрягая глаза, я уставился на него. Этот монах средних лет имел тонкие черты лица, как полная луна. Между бровями была красная точка. Как бы он ни выглядел, казался не более чем обычным буддийским монахом. Тем не менее, я чувствовал по осознанным и размеренным шагам этого великого мастера, что каждое его движение напоминало саму природу, почти как если бы он был один с небесами и Землей.

В этот момент Сяошунци вышел из задумчивости, подняв голову, чтобы оглянуться, свет

мерцал в его глазах. Несмотря на то, что он знал личность этого человека, в его глазах все в мире были бесполезны. В результате, внутри проснулось намерение убить. Если этот человек попытается ранить молодого мастера, Сяошунци знал, что ему придется использовать всю свою силу, чтобы остановить его.

Когда его намерение убийства было выпущено, Сяошунци чувствовал, что он был окружен огромным давлением по сторонам. Сильно встревоженный, он посмотрел на меня, видя, что нет никаких изменений в моем выражении. Он сразу понял, что это давление было направлено исключительно на него и он использовал всю свою силу, чтобы сопротивляться. Но чем больше он пытался сопротивляться, тем сильнее было давление. Он чувствовал, что кто-то читает буддийское Писание на ухо, говоря ему принять свое поражение и уступить. Тем не менее, воля Сяошунци была чрезвычайно твердой, и он вместо этого продолжал жестко готовиться к атаке и отказался отступить. Давление только увеличивалось, и Сяошунци не мог пошевелить ни одной частью своего тела. Внезапно его сердце подскочило и отбросило часть его сопротивления. Конечно, давление немного ослабло. Сяошунци грубо засмеялся и вдруг увеличил свое желание убийства. Это смертельное намерение было пронзительным холодом, который быстро распространился по холодному двору. Получилась причудливая сцена. В середине лета было ясно, сумерки, и все же холодный двор был заполнен двумя конкурирующими силами - один пустынный, осенний ветерок, другой гармоничное начало весны. Хотя напряжение постепенно ослабевало, дух, держащий пари на жизнь, становился все более сильным. Даже гармоничная сила постепенно фальсифицировалась запустением.

Хотя я был в павильоне, я лично не ощущал совершенно несравненной атмосферы. Но, видя падающие листья деревьев, при том, что в радиусе ста Чжан не было ветра, чтобы листья могли так яростно вращаться и трепетать, я знал, что происходит что-то странное. Потом я увидел, что лицо Сяошунци становится все более уродливым. Не задумываясь, я понял, что он был в невыгодном положении. После некоторого рассмотрения я случайно взял чашку и бросил ее на землю. Все было так, как я ожидал. Этого небольшого удивления было достаточно, чтобы отвлечь и Сяошунци, и старейшину- Истинного Сострадателя, чтобы у них сформировалось молчаливое понимание и они начали тянуть назад свою внутреннюю энергию. Вскоре все вернулось на круги своя.

Монах, казалось, не сделал большого шага, и все же он смог пересечь те сто Чжан одним шагом и прибыть в павильон. С легкой улыбкой он сказал: "боевые искусства благодетеля Ли приняли другой вид, идя по пути безжалостности. Я первоначально хотел использовать священные слова, чтобы просветить вас и не ожидал, что сердце благодетеля Ли уже столь же твердо и непреклонно, как металл и камень, и равнодушно к внешним воздействиям. Если благодетель Ли сосредоточится на своем развитии, достигнув эмоционально отстраненной сферы, вы неизбежно станете гроссмейстером поколений."

Сяошунци подошел и поприветствовал монаха. Он ответил: " Великий Мастер слишком хвалит меня. Этот скромный человек не имеет амбиций стать гроссмейстером и желает только быть в состоянии обеспечить безопасность моего молодого господина на всю его жизнь."

Задумчиво, Истинный Сострадатель взглянул на Сяошунци, видя строгое величие в его глазах. Твердая и непоколебимая решимость заставила Истинного Сострадателя вздохнуть с сожалением о гениальном устройстве небес. Если бы этому евнуху полностью не хватало ограничений, вполне вероятно, что он поступил бы так, как ему угодно, беспрепятственно

передвигаясь по всему миру, неизбежно вызывая чудовищную бойню. Глубокий вред, который он мог причинить, превзойдет Властелина секты дьявола во сто крат. Однако небеса заботились о благополучии всего живого и создали человека, способного ограничивать и исправлять его. Истинное сострадание смотрело на Цзян Чжэ, который только что обуздал Сяошунци и помог прекратить их конфронтацию. Хотя взгляд этого юноши был мрачным, его пара глаз, казалось, имела способность видеть насквозь мирские дела. Истинный Сострадатель слегка поклонился Цзян Чжэ и представился: "эта старая ряса- Истинный Сострадатель. Приветствую вас, сэр Цзян."

Немного запаниковав от любезности монаха, я быстро ответил: "Великий мастер-гроссмейстер. Как Чжэ осмелится принять такую любезность? Пожалуйста, не будьте таким. Великий мастер, присаживайтесь."

Истинный Сострадатель слегка улыбнулся и упомянул: "когда-нибудь, в будущем, благодетель поймет, что ты заслуживаешь любезности этой старой рясы."

- Прибытие великого мастера ошеломило Чжэ" - заговорил я с уважением, прежде чем спросить, - есть что-то, чем я могу помочь?"

"Первоначально, я пришел, чтобы встретиться с Его Императорским Высочеством, принцем Йонгом," ответил Истинный Сострадатель мягко. "Но, давно слышав об удивительном уме и мудрости благодетеля, я сначала пришел сюда, чтобы отдать дань уважения. Увидев вас сегодня, я заметил, что артерии маленького благодетеля имеют внутренние повреждения. Боюсь, то, что вам придется часто заниматься мирскими делами, навредит вашему долголетию. Так как маленький благодетель хорошо владеет медициной, почему вы не заботитесь о своем собственном благополучии?"

С легкой улыбкой я ответил: "Чже всего лишь обычный человек. Чже обязан Его Императорскому Высочеству, принцу Ену, глубоким долгом благодарности за его доброту. Великодушие Его Императорского Высочества заставляет Чжэ восхищаться им от всего сердца. Если бы Чжэ отказался сейчас от мирского, чувство вины поглотило бы мою совесть. Поэтому я не осмелился этого сделать. Великий мастер, пожалуйста, не сообщайте об этом Его Императорскому Высочеству, чтобы он не волновался."

"Пусть человек и Небеса осмотрят сердце благодетеля Цзяна, - заметил он с мягким вздохом, - я, естественно, будет держать язык за зубами. Благодетель относится к моему Шаолиню с глубоким уважением. Хотя я и не буду распускать волосы и помнить благодарность и обиды, как принято у простых людей, у меня есть сердце, чтобы вернуть должок. Я обладаю несколькими методами культивирования внутренней энергии, которые не служат никакой другой цели, кроме как помочь укрепить ваше тело и кормить ваши артерии. Хотя благодетель не обучался боевым искусствам, эти методы являются только дыхательными техниками. Это, по-видимому, не займет много усилий. Я надеюсь, что это поможет благодетелю Цзяню."

Обрадованный, я признал: " большое спасибо великому мастеру за ваш глубокий дар. Сэр Санг как-то сказал, что из боевых искусств в мире, самое лучшее - это культивирование храма Шаолинь, что позволяет отказаться от всех желаний и забот, и сохранить свое психическое и физическое состояние. Если Чжэ сможет жить дольше, то это будет из-за доброго дара

великого мастера.”

"Благодетель Цзян помогает мудрому принцу", ответил Истинный Сострадатель с легкой улыбкой. "Ваш вклад поможет империи и простым людям. Эти несколько методов выращивания - ничто по сравнению с этим." - говоря так, он подробно объяснил методы культивирования.

Наблюдая со стороны, Сяошунци сиял от восторга. Изначально он беспокоился о моем здоровье. Видя возможность поворота к лучшему, он, естественно, обрадовался. Его взгляд на Истинного Сострадателя стал мягче.

Через некоторое время издали послышался звук приближающихся шагов. Поспешно прибывший во двор принц Ен, Ли Чжи, привел с собой Гуаня Сю, Гоу Ляня, Чжансуна Цзи, Цзина Чи, Сима Сюн и других. Они остановились перед павильоном и почтительно исполнили ритуальные поклоны. Хотя у гроссмейстер был Истинным Сострадателем, он не проявлял ни капли высокомерия, улыбаясь, когда возвращал им поклоны.

Взволнованный, Ли Чжи шагнул вперед и заявил: "прошло уже несколько лет с тех пор, как я в последний раз имел возможность отдать дань уважения великому мастеру. Сила Великого мастера остается такой, как и раньше, в то время как Ли Чжи, отягощенный управлением и конфликтами, слабеет уже много лет."

"Ваше Императорское Высочество, я пришел на этот раз, чтобы выразить намерение всего моего храма", - спокойно заявил Истинный Сострадатель. "Если Ваше Императорское Высочество имеет какие-либо приказы, весь мой храм будет повиноваться."

Ли Чжи в замешательстве посмотрел на него, выражение колебания появилось на его лице. Он первоначально надеялся только на то, что храм Шаолинь не превысит свои полномочия. Он не ожидал, что он вдруг обретет полную поддержку храма Шаолинь. Что происходит?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/2189/396218>